

В тишине Е Хан подошел ближе: «Сестра, у тебя есть перекус?»

Цзин Си достала из корзины своего скутера пакет с закусками: «Вот. Всего семьдесят два юаня восемь мао, не забудь перевести мне на WeChat».

Е Хан с радостью взял пакет, заглянул внутрь: «Спасибо, сестра, тут даже кола без сахара и чипсы».

Все остальные: «...»

Слишком уж по-домашнему.

Цзин Си сняла перчатки и шапку, улыбнулась им: «Добрый вечер, я Цзин Си, буду сниматься с вами следующие полмесяца».

Кто не знает знаменитую актрису?

Чи Чунцяо и остальные поздоровались с ней, Цзин Си с энтузиазмом предложила всем зайти в ее комнату для ночной беседы, но все в ужасе отказались, и на лице Цзин Си появилось разочарование.

...

Хотя они и не провели ночь за разговорами с Цзин Си, но немного отдохнув, они все же отправились в комнату режиссера Юй Шо, чтобы поприветствовать его.

Режиссер Юй был уже в возрасте, и его энергия не могла сравниться с молодежью. Поговорив с ними немного о сценарии, он уже устал, и все, посмотрев на время, стали прощаться.

Чи Чунцяо спешил вернуться, чтобы позвонить Лу Юйчжоу, и ушел быстрее всех. Закрыв за собой дверь, он достал телефон и набрал номер для видеозвонка.

Он был беспечным и совсем не помнил, с каким настроением он повесил трубку днем. Просто он чувствовал, что съемки еще не начались, а с момента посадки самолета прошло всего несколько часов, а он уже начал скучать.

Запрос на видеозвонок был принят почти мгновенно.

Чи Чунцяо тихо сказал: «Так быстро ответил?»

Лу Юйчжоу снял очки, пальцы нежно провели по оправе, в глазах светилась улыбка: «Да, я

ждал тебя, брат Цяо».

Чи Чунцяо опустил взгляд и снова увидел тонкие очки, мгновенно вспомнив, что во время вчерашнего стрима он носил именно их.

На полке для очков стояло шесть или семь пар защитных очков, и Чи Чунцяо выбрал именно эти, потому что они редко использовались. Но после того, как он их взял, эти очки, которые обычно пылились на полке, внезапно стали любимыми. Даже те золотые очки, которые Лу Юйчжоу любил больше всего, отошли на второй план и теперь "удостаивались вниманию" лишь изредка.

Чи Чунцяо: «...» Пальцы, держащие телефон, зашевелились — он снова хотел повесить трубку!

На следующий день вся съемочная группа собралась в деревенском ресторане на обед, а во второй половине дня начались съемки.

После церемонии открытия Чи Чунцяо и Е Хан поспешили на грим — им предстояло снимать первую сцену.

Хэ Юй, как главный герой, не был ни принцем, ни князем. В пятнадцать лет он был сыном маркиза Цзинъюань, а после того, как маркиз погиб на поле боя, он унаследовал титул, и его стали называть молодым маркизом. Однако, родившись в семье военных, он с детства не любил оружие и вместо этого увлекался различными "еретическими учениями".

В начале фильма Хэ Юю семнадцать лет, а в этих съемках ему всего двадцать.

Визажист аккуратно подвела брови Чи Чунцяо: «Учитель Чи, поверните лицо».

Чи Чунцяо повернул лицо по направлению руки визажиста. Его кожа была бледной, брови и глаза — черными, как тушь, а когда ресницы опускались, оставалась лишь узкая полоска взгляда, глубокая и спокойная. И чем больше это было, тем ярче казалась красная помада на губах.

Хэ Юй был как черно-белая картина тушью, и любая капля цвета на ней выглядела особенно ярко.

Визажист случайно встретилась взглядом с отражением в зеркале и замерла, пробормотав: «Вот так сойдет».

Чи Чунцяо улыбнулся ей: «Спасибо за труд».

Визажист с трудом выдавила: «Пожалуйста, не смотрите на меня так...»

Чи Чунцяо покачал головой, встал и уступил место следующему человеку для грима, а сам взял сценарий и вышел. Е Хан, уже нагримированный, стоял в стороне и повторял свои реплики. Чи Чунцяо подошел к нему.

Юй Шо, который наблюдал за установкой камер, увидев, что Чи Чунцяо закончил с гримом, помахал им рукой: «Наша первая сцена несложная...»

Первая сцена была дуэтом Чи Чунцяо и Е Хана. Они поднимались по ступеням высокого горного храма, и на протяжении всей сцены Е Хан в роли Гу Вэня говорил без остановки, в то время как главный герой Хэ Юй произносил лишь несколько реплик.

Чи Чунцяо и Е Хан почтительно сели перед Юй Шо, слушая, как режиссер объясняет сцену.

Юй Шо держал сценарий: «Эта сцена несложная, просто у Е Хана много текста, так что постарайтесь не запинаться, обязательно выучите его наизусть. Чи Чунцяо, тебе нужно сосредоточиться на игре глазами, Хэ Юю в этот момент уже двадцать, так что тебе нужно уловить баланс между зрелостью и юношеской неопытностью...»

Чи Чунцяо кивнул.

Он лично видел, как сценарий превратился в то, что есть сейчас. Если Ли Си как сценарист был "родным отцом", то он был "приемным". Именно потому, что он был свидетелем изменений в сценарии и развития персонажей, он имел более глубокое понимание сценария и героев.

Для Чи Чунцяо Хэ Юй был как ребенок, которого он вырастил.

Чи Чунцяо опустил голову, посмотрел на имя "Хэ Юй" в сценарии, и в его глазах появилась нежность.

А Е Хан был совсем другим, он нервничал. "Государственный деятель" не был просто исторической драмой, если убрать нереалистичные элементы, это был настоящий серьезный фильм.

Е Хан дебютировал более пяти лет назад, начав с драм, и хотя его актерское мастерство считалось неплохим среди молодых актеров, мысль о съемках в серьезном фильме пугала его.

К тому же его партнером был человек, известный своим мастерством.

Он приложил столько усилий, чтобы попасть в проект, и очень хотел увидеть, на что способен Чи Чунцяо. Как актер с самой низкой популярностью, но самой сильной базой среди четырех

восходящих звезд, он действительно хотел узнать, насколько велика разница между ним и Чи Чунцяо.

Хотя он и не смотрел сериалы с участием Чи Чунцяо, по клипам он мог понять, что хваленое "мастерство" — это не пустая похвала от медиа и фанатов.

Такой мощный персонаж, как Хэ Юй, Чи Чунцяо точно не будет играть вполсилы. Ранее другие актеры уже упоминали, что актерское мастерство Чи Чунцяо обладает весом, то есть, как говорят, "давит". Интересно, как это будет выглядеть в полную силу.

Е Хан глубоко вздохнул — как бы то ни было, с этой сценой проблем быть не должно.

После того, как Юй Шо закончил объяснять сцену, он пошел проверять камеры и декорации. Е Хан воспользовался моментом, чтобы быстро взглянуть на Чи Чунцяо. Тот поправлял свои широкие рукава, и, казалось, почувствовал его взгляд, повернулся и улыбнулся.

О, этот взгляд, как у заботливого отца... погоди, взгляд как у отца?

Е Хан почувствовал, что что-то не так.

В этот момент помощник режиссера с мегафоном крикнул двум актерам у подножия лестницы: «Чи Чунцяо и Е Хан, приготовьтесь!»

Щелк —

Звук хлопнушки был чётким и громким.

Хэ Юй поднимался по ступеням, с неба падал мелкий дождь, он держал зонт и шел не спеша.

Гу Вэнь тоже держал зонт и шел за ним, бормоча: «Сегодня утром принц Хэн прислал письмо, сказал, что дело о мошенничестве в Юньяне уже поручили принцу Цзину, и Фу Жун, вероятно, не удержит позиции. Его Высочество велел мне передать тебе, что принц Цзин обязательно попытается внедрить своих людей в Юньян, и это может помешать нашим планам. Какие у тебя намерения? Эй, не молчи же!»

Хэ Юй держал зонт, словно не слышал его.

Гу Вэнь занервничал: «Хэ Минчжоу, Хэ Юй! Маркиз! Маркиз Цзинъюань! Ты меня вообще слушаешь?»

Хэ Юй бросил на него взгляд, который словно нес в себе тяжесть десяти тысяч ли гор и рек, от

одного взгляда захватывало дух.

Гу Вэнь замер, ошеломленный, и только через мгновение подошел ближе и тихо сказал: «Я слышал, что с начала этого года здоровье Его Величества ухудшилось. На этот раз принц Цзин расследует дело о мошенничестве, а принц Чжун получил лишь номинальную должность. Как ты думаешь, Его Величество...»

Хэ Юй внезапно поднял зонт: «Пришли».

Гу Вэнь, продолжая бормотать, не успел остановиться и чуть не врезался в Хэ Юя: «Что пришли?»

Хэ Юй сложил зонт и медленно поднял глаза: «Храм Чжунмин».

...

Как только режиссер крикнул «Стоп!», Чи Чунцяо взял у ассистента куртку и накинул ее на себя. Хотя в Юне климат теплый, но уже декабрь, и костюм не защищал от ветра, поэтому было холодно.

Он заметил, что режиссер долго молчал, и понял, что сцена, вероятно, не удовлетворила его.

Лицо Е Хана было бледным, даже грим не скрывал этого — если первая сцена пойдет на пересъемку, ему будет стыдно показываться на глаза несколько дней. Но он также понимал, что, скорее всего, переснимать придется — его замешательство было слишком явным.

Е Хан никак не ожидал, что даже в такой спокойной сцене он не сможет удержаться.

Чи Чунцяо подошел и похлопал его по плечу.

Е Хан смущенно сказал: «Извини, я отвлекся во время съемки».

Чи Чунцяо ответил: «Все в порядке, было хорошо».

Замешательство Е Хана можно было вырезать при монтаже, переснимать не было необходимости. Актерская игра никогда не бывает идеальной, всегда есть недочеты, которые исправляют на этапе монтажа.

К тому же он понимал нервозность Е Хана — это была первая сцена съемок, а Юй Шо, как опытный режиссер, предъявлял более строгие требования, чем обычно, так что получить NG на первой сцене было вполне возможно.

Е Хан горько усмехнулся: «Не зря он играл с обладателями премий за лучшие роли, с нами, выходцами из потокового кино, все по-другому».

«Не утешай меня, я так явно задумался».

Но, как и сказал Чи Чунцяо, режиссер, немного поморщившись, все же пропустил этот дубль.

Чи Чунцяо вызвали к Юй Шо для разбора следующей сцены, перед уходом он еще раз похлопал Е Хана по плечу: «Не нервничай».

Тот факт, что Е Хан получил эту роль, говорил о том, что его актерское мастерство на уровне. Но он слишком нервничал, с момента хлопка хлопушки он был напряжен и не мог расслабиться. Однако они были ровесниками, Е Хан даже дебютировал раньше, так что Чи Чунцяо ограничился парой слов — большее могло бы звучать как поучение.

Е Хан посмотрел на себя — он нервничал? Он сам размял напряженные плечи и только сейчас понял, что был скован с самого начала съемок.

Он замер на мгновение, как вдруг к нему подошла Цзин Си, придерживая свое платье.

Цзин Си и он были из одной компании, постоянно пересекались и хорошо общались, поэтому, увидев его выражение, она сразу поняла, о чем он думает.

Цзин Си подошла ближе и тихо сказала: «Это нормально, не нервничай».

Е Хан горько усмехнулся: «Это нормально? Я даже в такой спокойной сцене чуть не провалился».

Цзин Си ответила: «Ты просто не привык к его манере игры. У актеров такого уровня мастерство проявляется не в ярких эмоциях, а в деталях. Если бы сцена была эмоциональной, ты, возможно, смог бы с ним потягаться, но в таких, казалось бы, простых сценах они имеют подавляющее преимущество».

Она сделала паузу и добавила: «Скажу тебе честно, не обижайся. В большинстве твоих сериалов режиссеры относились к тебе снисходительно, если эмоции были на уровне, то сцена проходила. Такая игра хоть и соответствует стандартам, но слишком поверхностна, твоя игра не доходит до глаз, поэтому, когда ты играешь с ним, даже не важно, сможешь ли ты удержаться, ты сначала начинаешь нервничать. Но наши роли не такие сложные, просто расслабься».

Е Хан глубоко вздохнул: «Ты попала в точку, мне просто не хватает уверенности».

Цзин Си сказала: «Мы стали популярны благодаря потоку, мы другие, самое важное — это развивать себя. Раз уж попали в этот проект, учись».

"Государственный деятель" действительно были крупным проектом, даже те несколько человек, стоящих перед гостиницей, были известными актерами как внутри, так и за пределами индустрии.

Главную роль играл Чи Чунцяо, из шести ключевых персонажей четверо были актерами первой линии, включая молодых звезд, а остальные роли второго плана также исполняли талантливые актеры, которые, хоть и не были очень популярны, но обладали высоким мастерством. Это гарантировало, что сериал будет сочетать в себе как актерское мастерство, так и внешность актеров, и даже до выхода в эфир сможет привлечь внимание благодаря актерскому составу, сэкономив на рекламе.

Поэтому Цзин Си с самого начала понимала, что она и Е Хан были приглашены для привлечения аудитории, а актерское мастерство лежало на плечах Чи Чунцяо.

Нет, Чи Чунцяо был исключением — он был и мастером актерской игры, и привлекал аудиторию.

Роли Цзин Си, как принцессы, и Е Хана, как Гу Вэня, по сравнению с другими персонажами, имели достаточно экранного времени, но их сложность была намного ниже, персонажи не были такими глубокими, проще говоря, они были шаблонными.

Но что с того? Сколько можешь, столько и ешь. Если у тебя нет такого мастерства, играй простых персонажей, они тоже привлекают фанатов.

Цзин Си посмотрела на стройную фигуру Чи Чунцяо, и в ее глазах мелькнула зависть — как хорошо, молодой и талантливый, будущее безгранично.

"Государственный деятель" снимали уже девять дней, и у Чи Чунцяо почти каждый день были съемки целый день. Такая интенсивная работа отнимала много сил, и, вернувшись вечером после умывания, Чи Чунцяо звонил Лу Юйчжоу, но, разговаривая, засыпал. Телефон падал на подушку, а он уже погружался в сон.

Лу Юйчжоу просто слушал его дыхание, пока не заканчивал свою работу, и тогда тихо говорил «Спокойной ночи» и клал трубку.

Но чаще всего Чи Чунцяо заканчивал ночные съемки уже в полночь, садился на кровать и заново слушал голосовые сообщения, которые Лу Юйчжоу прислал днем, и только потом ложился спать.

На самом деле, когда Чи Чунцяо был занят, их общение всегда было таким, потому что у Лу Юйчжоу не было времени, когда он не был занят. Все свое свободное время он делил между Чи Чунцяо и дедушкой.

Но даже так, несмотря на то, что они старались проводить каждую минуту вместе, их время наедине было слишком коротким.

На одиннадцатый день Ду Юйшэн, наконец, добрался до съемочной площадки, решив проблемы с авторскими правами на зарубежную версию "Красавца и Красавицы".

Неизвестно, жаловалась ли Янь Июнь Ду Юйшэну на плохие условия съемок на натуре, но он привез с собой целую кучу вещей.

Янь Июнь радостно встретила его: «Брат Ду! Зачем ты привез столько вкусняшек? Ты слишком постарался...» Она с удовольствием протянула руку, но Ду Юйшэн шлепнул по ней.

Янь Июнь, защищая руку, возмутилась: «Брат Ду, ты чего?!»

Ду Юйшэн с каменным лицом тихо сказал: «Не кричи, где твой брат Цяо?»

Янь Июнь посмотрела на него с недовольством и указала пальцем: «Вон там, на съемках».

Ду Юйшэн посмотрел в указанном направлении и увидел в беседке, где проходили съемки, высокую и стройную фигуру — это был Чи Чунцяо. Из-за угла съемки он был повернут к ним боком, в руках что-то держал, а Цзян Хун, игравший мечника, направлял на него меч.

Двое в беседке о чем-то говорили, и вдруг мечник резко заволновался, продвинув меч на несколько дюймов вперед.

Маркиз Цзинъюань в лисьей шубе встал, двумя пальцами отвел лезвие меча и холодно что-то произнес, после чего вышел из беседки.

Поскольку камера продолжала снимать, Чи Чунцяо, спускаясь с беседки, сохранял холодное выражение лица, пока режиссер не крикнул «Снято!». Только тогда он расслабился, заметил Ду Юйшэна, удивился и, попрощавшись с режиссером Юй Шо, осторожно направился к ним, придерживая костюм.

«Брат Ду».

Чи Чунцяо поздоровался.

На нем все еще была лисья шуба, которая подчеркивала его высокий и стройный силуэт. Белый меховой воротник обрамлял его шею, делая лицо похожим на нефрит, но при этом его аура была подавляющей.

Чи Чунцяо снимался с утра без перерыва, и, чтобы сохранить состояние, он не выходил из роли, поэтому даже сейчас, подходя к ним, он все еще был пропитан аурой Хэ Юя.

Янь Июнь на мгновение почувствовала, что маркиз Цзинъюань из сценария сошел со страниц и стоит перед ней.

Ду Юйшэн на секунду замер, затем смущенно прокашлялся: «Эм... кхм». Он сжал кулак и кашлянул, затем, под взглядом Чи Чунцяо, указал за спину и невнятно сказал: «Семья приехала».

Чи Чунцяо: «!!»

За спиной Ду Юйшэна стоял скромный черный автомобиль, который Чи Чунцяо сразу узнал — это была одна из машин из их гаража, которую редко использовали.

Сердце Чи Чунцяо забилось быстрее. Он оглянулся — съемочная группа уже начала снимать следующую сцену, и никто не обращал на него внимания. Чи Чунцяо повернулся, его глаза загорелись, он кивнул Ду Юйшэну и легкой походкой направился к машине.

Янь Июнь ошеломленно смотрела на его спину: «Семья приехала? Кто... ах...» Она вдруг протяжно засмеялась: «Я поняла, это же...»

Ду Юйшэн прервал ее: «...Не болтай тут, ты текст выучила? Иди готовься».

Янь Июнь вдруг вспомнила, что она все еще на съемках, и сразу же побежала искать свой сценарий. Ду Юйшэн остался стоять на месте, молча достал сигарету и закурил — братья встретились, младший брат приехал навестить старшего на съемках, почему он, как менеджер, должен чувствовать себя неловко?

К тому же, стоя здесь, он чувствовал себя как часовой.

Ду Юйшэн потер лицо — черт, почему ему кажется, что Лу Юйчжоу и Чи Чунцяо... такие геевские?

Когда Ду Юйшэн осознал, о чем он думает, он ужаснулся: его что, заразила эта несчастная Янь Июнь?

Чи Чунцяо осторожно открыл дверь машины, и, как он и ожидал, Лу Юйчжоу был внутри, но,

похоже, спал, прислонившись к окну, и даже не проснулся, когда Чи Чунцяо залез в машину.

Лу Юйчжоу спал крепко, и Чи Чунцяо не хотел его будить, поэтому просто сел рядом, достал телефон и начал тихо читать сценарий.

Как только Чи Чунцяо сел, Лу Юйчжоу проснулся: «Брат Цяо?» Видимо, из-за того, что он только что проснулся, его голос был хриплым.

Чи Чунцяо ответил.

Лу Юйчжоу, пролежав в одной позе слишком долго, почувствовал скованность в теле, поменял положение и естественно прижался к Чи Чунцяо, уткнувшись лицом в его грудь, и снова позвал: «Брат Цяо».

Чи Чунцяо положил телефон и нежно погладил его по спине: «Я тебя разбудил?»

Лу Юйчжоу слегка прикрыл глаза, но уголки его губ поднялись: «Нет, я почувствовал твой запах».

«Я так по тебе скучал», — голос Лу Юйчжоу звучал обиженно, — «Ты слишком занят».

Чи Чунцяо: «...Юйчжоу, говори нормально». Почему он ведет себя как капризная жена?

Лу Юйчжоу тихо засмеялся: «Ты должен мне компенсировать». Он сел и незаметно прижал Чи Чунцяо к углу заднего сиденья: «Как ты собираешься меня утешить, брат Цяо?»

Чи Чунцяо, с зажатым ртом, с трудом выдавил четыре слова: «...Моя одежда!»

Ты уже получаешь свою компенсацию!

Десять минут спустя Чи Чунцяо выбрался из машины, беспорядочно поправляя свою одежду, и, подняв голову, встретился взглядом с Ду Юйшэном.

Лицо Ду Юйшэна было пустым: «...»

Слова "братья", сказанные им несколько минут назад, словно прозвучали в воздухе и громко шлепнули его по лицу.

Чи Чунцяо: «...»

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/13818/1219581>